

**ПОЧЕМУ ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ О ТОМ, ЧТО ПРОТОСЛАВЯНСКИЕ
Ѐ И Ў (КРАТКИЕ) УЖЕ В ПРОТОСЛАВЯНСКОМ ДИАЛЕКТЕ
ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА ИЗМЕНИЛИСЬ В О,
ЯВЛЯЕТСЯ НЕВЕРНЫМ И КАК НА САМОМ ДЕЛЕ В ЭТУ ЭПОХУ
ОНИ ИЗМЕНИЛИСЬ?**

Юрий Бурмистрович (Абакан)

Абстракт:

В статье обосновывается положение о том, что в протославянскую эпоху *ǣ* и *ǫ* изменились не в *o*, а в *ǣ*.

Ключевые слова: системность, закономерность, историзм.

Abstract:

The thesis that in the Proto-Slavic epoch *ǣ* and *ǫ* transformed not in *o* but in *ǣ* is proved in this article.

Key words: consistency, regularity, historism.

Чуть ли не в каждом учебнике по курсу «Старославянский язык», в котором (по крайней мере, в России) изучается история не только старославянского языка, но и его предков – протославянского диалекта праиндоевропейского языка и языка праславянского, едва ли не самым первым протославянским фонематическим процессом считают процесс изменений первоначальных долгих и кратких гласных фонем в фонемы, которые потеряли различие по количеству (по длительности) и отличаются друг от друга только по качеству. Конкретно эти изменения показывают так: $\bar{i} \rightarrow \mathbf{i}$, $\bar{i} \rightarrow \mathbf{ь}$, $\bar{u} \rightarrow \mathbf{у}$ ($\mathbf{ы}$), $\bar{u} \rightarrow \mathbf{ь}$, $\bar{e} \rightarrow \mathbf{ě}$ ($\mathbf{ǣ}$), $\bar{e} \rightarrow \mathbf{e}$, $\bar{o} \rightarrow \mathbf{a}$, $\bar{o} \rightarrow \mathbf{o}$, $\bar{a} \rightarrow \mathbf{a}$, $\bar{ǣ} \rightarrow \mathbf{o}$. При этом обычно обращают особое внимание на то, что \bar{a} и \bar{o} (долгие) изменились (слились) в \mathbf{a} , а $\bar{ǣ}$ и \bar{o} (краткие) изменились (слились) в \mathbf{o} .

Несмотря на то, что такое описание самых ранних протославянских процессов является едва ли не самым обычным, оно не выдерживает никакой критики, ибо при анализе указанных процессов возникает целая серия вопросов, на которые положительных ответов нет.

1. Почему в такое раннее время в языке вообще произошли такие процессы? Что явилось их причиной? И, в частности, почему первым процессом явилось не что-нибудь другое, а утрата количественных противопоставлений?

2. Почему три фонемы из четырёх лабиализованных, а именно **ū, ū, ō**, потеряли свою лабиализованность, одна фонема из четырёх лабиализованных, а именно **ō**, сохранила свою лабиализованность, а одна фонема из шести нелабиализованных, а именно **ǃ**, вопреки предыдущим показанным процессам, наоборот, приобрела лабиализованность? Ведь такое положение, с одной стороны, противоречит системности языка, которая на фонематическом уровне является наиболее сильной, а с другой стороны, противоречит закономерности, которая опять-таки на фонематическом уровне является наиболее последовательной. Другими словами, и со стороны системности в языке, и со стороны закономерности в языке процессы не могут быть разнонаправленными. Если же что-то на том или ином уровне общей языковой системы нарушает системность и закономерность, то это должно быть мотивировано (например, действием системности и закономерности другого уровня, скажем, уровня граммоматематического на фонематический, впрочем, такое действие в истории предков русского языка отмечалось лишь в области флексии, где действие грамматических и граммоматематических законов обычно сильнее действия законов фонетических и фонематических).

Таким образом, в показанных фонетико-фонематических процессах полностью нарушены такие **современные** основополагающие принципы историко-лингвистических наук, как **причинность, системность и закономерность**. Точнее, они не просто нарушены, а нарушены потому, что совершенно не учтены.

Понять, почему с показанными процессами так произошло, нетрудно: те, кто их показывает, опираются на данные самого раннего из письменных славянских языков – языка старославянского (церковнославянского) в его самой древней ипостаси, в котором разграничения долгих и кратких гласных, реконструированных для протославянской и праславянской эпохи, уже нет. Но при этом оказывается не учтённым тот простой факт, что от протославянского диалекта праиндоевропейского языка и даже от праславянского языка раннего и среднего периодов, когда в этих языках явно противопоставлялись долгота и краткость гласных, до древнецерковнославянского языка прошло много не только веков, но даже и тысячелетий. За такое огромное время в языках, которые были предками всех славянских, прошло, естественно, много процессов, которые на сегодня не просто реконструированы, а реконструированы с обоснованием этих реконструкций. И сегодня можно вполне обоснованно сказать, что те гласные, которые

мы встречаем в древнецерковнославянском языке, являются не сохранением результатов самого древнего процесса, который произошёл якобы ещё в протославянском диалекте праиндоевропейского языка, а процессов весьма поздних, которые произошли в поздний период праславянского языка незадолго до распада этого языка.

Но что же в таком случае на самом деле произошло в протославянскую эпоху и, главное, почему?

На этот вопрос можно вполне реалистично ответить лишь в том случае, если мы будем всемерно учитывать принципы системности, причинности, закономерности, раскрытия механизма фонетико-фонематических процессов, последовательного историзма, а к тому же ещё и принцип взаимодействия согласных и гласных фонем данного языка в потоке речи.

Ответ на поставленный вопрос о фонетико-фонематических процессах протославянской эпохи естественно начать с установления тех подсистем, из которых складывалась начальная общая фонематическая система протославянского диалекта праиндоевропейского языка.

На сегодня можно достаточно уверенно говорить о том, что начальная общая фонематическая система протославянского диалекта складывалась из двух частных систем, а именно из системы фонем и из системы дифтонгов. Частная система фонем в свою очередь складывалась из четырёх подсистем, а именно из подсистем консонантизма (неслоговых согласных), консонантного сонантизма (слоговых согласных сонантов), вокального сонантизма (неслоговых гласных сонантов) и вокализма (слоговых гласных). Иногда согласные и гласные сонанты объединяют в одну группу, но так как у тех и у других судьба окажется **разной**, то лучше эту группу разбить сразу на две.

Так как главные процессы развернутся в подсистемах консонантизма и вокализма, а в остальных системах и подсистемах они всего лишь зеркально отразятся, то здесь мы и представим только две указанные подсистемы. При этом мы показываем лишь те схемы названных подсистем, которые нам кажутся наиболее реалистичными.

Начальная подсистема протославянского консонантизма:

Звучность	Место образования		Губные (простые)		Язычные					
					переднеязычные (простые)		задняязычные (бемольные)			
	Способ образования		зв.	гл.	зв.	гл.	зв.	гл.	зв.	гл.
Шумные	Смычные	Непридыхательные	b	p	d	t	g	k	g^u	k^u
		Придыхательные	b^h	p^h	d^h	t^h	g^h	k^h	g^{hu}	k^{hu}
	Щеличные	Непридыхательные				s				
Сonorные неслоговые	Смычно-проходные	Носовые	m		n					
	Щеличные	Плавные			l					
	Дрожащие				r					

Начальная подсистема протославянского вокализма:

Лабиализованность	Ряд	Нелабиализованные		Лабиализованные
		Передний (дизный)	Средний (простой)	Задний (бемольный)
Подъём			ù	ũ
Верхний			ÿ	ÿ̃
Средний			ě ē	ǫ̃ ō
Нижний			ǎ ā	

Разумеется, каждая из этих схем заслуживает отдельного разбора, но так как главная задача этой статьи состоит в анализе протославянских фонетико-фонематических **процессов**, а не состояния начальных их систем, то представляется целесообразным не останавливаться на доказательстве реалистичности этих систем, а лишь указать на то, что реалистичность их достаточно хорошо обосновывается¹.

В современном языкознании, кажется, уже не вызывает особых споров то положение, что в так называемых замкнутых или закрытых системах типа фонематической и грамматиической главной причиной, вызывающей те или иные изменения в системе, являются имеющиеся в системе **противоречия**. При этом имеется в виду, что противоречия могут быть или в **парадигматике**, или в **синтагматике** соответствующей системы, т.е. или в **оппозициях** соответствующих единиц, или в их **сочетаниях**. Если обратить внимание на фонематическую систему и её подсистемы, то **парадигматические противоречия** проявляются в том, что в системе, а точнее, в той или иной её конкретной подсистеме превышен порог **безопасности** той или иной фонемы, а **синтагматические противоречия** проявляются в том, что в том или ином сочетании фонем нарушается существующий закон их **совместимости**. При этом разрешение **парадигматического противоречия в фонемике** обеспечивается появлением **фонематического непозиционного закона** и затем вызываемыми им процессами, а разрешение **синтагматического противоречия в фонемике** обеспечивается появлением **фонетического позиционного закона** и затем вызываемыми им процессами.

В той фонематической системе протославянского диалекта праиндоевропейского языка, которая реконструируется как **начальная** для этого диалекта, наибольшее противоречие обнаруживается в подсистеме консонантизма. Оно проявляется в том, что здесь было слишком много смычных и слишком мало щелинных: соотношение их было **16 : 1**, и отсюда вытекало, что если каждая смычная фонема входила как минимум в четыре коррелятивных оппозиции, то единственная щелинная фонема «s» входила только в одну коррелятивную оппозицию по признаку щелинности-смычности. Следовательно, эта фонема «s» была наиболее слабым звеном в системе консонантизма. И, значит, именно в этом звене можно ожидать того или иного изменения.

Можно даже предположить, какими могут быть эти изменения. Это может быть или полное устранение фонемы «s», а значит, и всей линии

¹ БУРМИСТРОВИЧ, Ю. Я. История фонематической системы протославянского диалекта праиндоевропейского языка. – Абакан: Хакасский ГУ им. Н. Ф. Катанова, 2009.

щелинных, или, наоборот, обогащение линии щелинных новыми щелинными фонемами.

Как показывает изучение дальнейшей истории этой подсистемы, в протославянском диалекте были испытаны обе возможности, но в основном всё же не устранение фонемы <s>, а порождение ею новых щелинных аллофонов, которые позже фонемизировались, а тем самым и укрепили линию щелинных фонем.

Первым процессом, процессом-толчком, направленным на устранение противоречия, явилась целая серия дивергенций (расщеплений) фонемы <s>, которая в разных позициях в словах породила целую же серию щелинных аллофонов: h_1 (* $\bar{a}us\bar{e}s$ → * $\bar{a}uh\bar{e}s$ ‘ухо’), z_1 (* $g^u\bar{u}sn\bar{y}s$ → * $g^u\bar{u}zn\bar{y}s$ ‘жизнь’), s^u_1 (* $s\bar{e}s\bar{o}r$ → * $s^u\bar{e}s\bar{o}r$ ‘сестра’), z^u_1 (* $s\bar{o}n\bar{o}s$ → * $z^u\bar{o}n\bar{o}s$ ‘звон’).

Пожалуй, особенно интересным в этом списке является переход **s** в **h**, так как он осуществлялся в особой позиции, а именно после звуков [i], [u], [j], [u], [u], [u], [r], [r], [k] не перед шумными смычными. Позиции, в которых **s** переходил в другие звуки, менее ясны.

Но рождение новых аллофонов у любой фонемы не порождает автоматически и новых фонем. Ведь новые аллофоны у любой фонемы появляются только в новых позициях, в которых со старыми аллофонами они не встречаются. Стать же представителями новых фонем они смогут лишь тогда, когда станут встречаться в тех же позициях, что и старые аллофоны старой фонемы, т.е. тогда, когда из позиции дополнительного распределения (или дополнительной дистрибуции) они попадут в позицию **контраста** и станут противопоставляться этим старым аллофонам в одной позиции.

Естественно, что подсистема согласных протославянского диалекта должна была способствовать не только порождению новых щелинных аллофонов, но и их **фонемизации**, т.е. превращению их в аллофоны новых фонем.

Это могло бы получиться лишь в том случае, если бы в языке прошли новые, дополнительные к описанным процессы, которые затронули бы и другие, кроме <s>, фонемы, причём затронули бы их так, чтобы ими были порождены аналогичные щелинные аллофоны.

Дополнительные процессы, затронувшие другие, кроме <s>, фонемы и породившие в конечном итоге ещё целый ряд аналогичных щелинных аллофонов, действительно произошли. Это были, прежде всего, процессы дивергенции. А так как все другие, кроме <s>, согласные шумные фонемы были смычными, то это значит, что теперь щелинные аллофоны были порождены именно смычными фонемами. В первую очередь нужно было поддержать те

щелинные аллофоны фонемы <с>, которые были новыми и для неё². Поэтому в первую очередь в некоторых позициях аллофон [z₂] был порождён фонемами <g> и <g^h> (*b^hergā → *b^herzā ‘берёза’ и *ϣēg^hōam → *ϣēzōam ‘везу’), а вслед за этим в некоторых позициях аллофон [s₂] был порождён фонемой <k> (*křtōm → *satōm или *kūtōm → *sūtōm ‘сто’³). По изменению слова *křtōm или *kūtōm⁴ в авестийское (древнеиранское) satōm все эти процессы обычно называют сатэмизацией⁵. Но было бы более конкретным название **сибилянтная спирализация** (от слов **сибилянт**, что на русский

² ЖУРАВЛЁВ, В. К., ШАХМАЙКИН, А. М. Балто-славянская вариативность индоевропейского s и сатемовая палатализация гуттуральных // Baltistica. Vilnius 1987. № XXII (2), с. 156-69.

³ Согласный [s₂] из [к] вёл себя иначе по сравнению с [s₁] из [s], в частности, в позициях после [j], [ū], [ŷ], [ϣ], [ū], [ū̃], [r], [r̃], [k] этот [s₂] не переходил в [h].

Это свидетельствует, с одной стороны, о том, что процесс [к] → $\begin{matrix} [k] \\ P_1 \end{matrix} : \begin{matrix} [s_2] \\ P_2 \end{matrix}$ произошёл **после** того, как уже перестал осуществляться процесс [s] → $\begin{matrix} [s_1] \\ P_1 \end{matrix} : \begin{matrix} [h] \\ P_2 \end{matrix}$

(P₁ – позиция, где появляется исконный аллофон, а P₂ – позиция, где появляется новый аллофон), а с другой стороны, о том, что [s₂] первоначально, скорее всего, **отличался** от [s₁]: возможно, что вначале [s₂] был несколько аффрицированным, т.е. звучал как [к^s] (возможность появления в этом случае признака аффрицированности впервые отметил В. К. Журавлёв (1967: 37), где сразу же отмечено и то, что этот признак не был фонематически значимым, но фонетически оказался значимым).

⁴ Реконструкция данного слова в виде *křtōm разделяется очень многими лингвистами, а в виде *kūtōm выдвинута и защищается только одним лингвистом, а именно итальянским учёным В. Пизани (Фасмер 1971: 761-762), но зато из формы *kūtōm проще всего выводятся все современные славянские формы этого слова, а из формы *křtōm вывести их затруднительно.

⁵ Иногда сатэмизацию называют сатэмной палатализацией (См., например: Маслова 2004: 294-420). Но такая терминология явно неточна, ибо те переднеязычные свистящие согласные, которые произошли из заднеязычных, не были ни палатализованными, ни палатальными (ср.: *b^hergā → *b^herzā [а не *b^herz’ā или *b^herz’ā], ср. также русский перевод: ‘берёза’ [а не ‘берёз’]). Да им и не из чего было становиться палатализованными, ибо те заднеязычные **фонемы**, которые перешли в переднеязычные свистящие, не были палатализованными, каковыми их нередко считают. Главной причиной сатэмизации была не палатализованность заднеязычных, которой не было, а их смычность и в то же время многочисленность. Подсистема согласных фонем протославянского диалекта требовала серьёзного увеличения количества **щелинных** фонем, которых было очень мало. Те переднеязычные свистящие, которые были порождены сатэмизацией смычных заднеязычных, и явились **щелинными**.

язык переводится словом ‘свистящий’, и **спирант**, что на русский язык переводится словом ‘щелинный’).

Итак, целый ряд смычных заднеязычных фонем породил в прото-славянском диалекте новые, необычные для них щелинные аллофоны. Но для фонемизации новых щелинных аллофонов этого было ещё мало. Те щелинные аллофоны, которые были порождены разными фонемами, но были аналогичными или, по крайней мере, весьма близкими по звучанию, должны были конвергировать (слиться) друг с другом, и это произошло: [s₁] x [s₂] → [s] и [z₁] x [z₂] → [z].

Кроме этого, произошла и такая конвергенция, как [k^h] x [h₁] → [h₂], например: *rēk^hā → *rēhā ‘черта, линия, нечто прорезанное’, ср. русское **прореха**. Так как фонема <k^h> стала реализовываться в речи только щелинным аллофоном [h], то она начала восприниматься и как фонема щелинная.

Всё это привело к тому, что новые щелинные аллофоны стали встречаться в словах не только в разных позициях, как это было после дивергенции только фонемы <s>, но и в одной и той же позиции, причем как со старым щелинным аллофоном [s], так и друг с другом. В связи с этим появление в слове того или иного нового щелинного аллофона перестало зависеть от определённой позиции в слове, стало самостоятельным. А самостоятельность нового аллофона влечёт за собой и его **фонемизацию**, т.е. то, что он становится аллофоном и новой фонемой. Фонемизация коснулась новых щелинных аллофонов [h], [z], следовательно, появились и новые щелинные фонемы <h>, <z>. И теперь вместе со старой щелинной фонемой <s> всех щелинных фонем стало три. Итак, соотношение смычных и щелинных стало **15 : 3**. (15 смычных, а не 16 – из-за перехода [k^h] → [h]). Это соотношение, конечно, лучше первичного, но всё же перегруженность линии смычных продолжала оставаться большой.

Поэтому произошёл ещё один дополнительный процесс, а именно конвергенция (слияние) всех оставшихся придыхательных смычных с чистыми смычными в парные чистые (а тем самым и утрата придыхательных) и всех лабиализованных заднеязычных смычных с чистыми смычными в парные чистые (а тем самым и утрата лабиализованных заднеязычных):

<b ^h > x → 	<t ^h > x <t> → <t>	<k ^h > x <k> → <k>
<p ^h > x <p> → <p>	<g ^h > x <g> → <g>	<g ^h ʷ> x <g> → <g>
<d ^h > x <d> → <d>	<g ^h > x <g> → <g>	<k ^h ʷ> x <k> → <k>

Теперь соотношение смычных и щелинных стало **6 : 3**.

Звучность	Место образования		Губные (простые)		Язычные			
					переднеязычные (простые)		заднеязычные веллярные (бемольные)	
	Способ образования	зв.	гл.	зв.	гл.	зв.	гл.	
Шумные				смычные		b	p	d
	щелинные				z	s		h
Сonorные неслоговые	смычно-проходные	носовые	m		n			
			w					
	щелинные				l			
		плавные			r			
	дрожжащие							

В результате всех этих процессов система утратила 10 шумных смычных согласных фонем и из них 6 (60%) заднеязычных (акустически – бемольных), 4 из которых были к тому же и лабиализованными. Это вызвало к жизни **фонематический закон дебемользации-делабиализации**, потребовавший устранения бемольности, связанной с лабиализованностью, вообще⁶.

Указанный закон, направленный на устранение из языка бемольности, связанной с лабиализованностью (не с лабиальностью!), воздействовал, прежде всего, на гласные фонемы заднего ряда, которые к тому же были как раз и лабиализованными.

⁶ Нужно отметить, что ещё в 10-х годах XX века норвежский учёный Олаф Брок (1910) и русский учёный Алексей Александрович Шахматов (1915) обнаружили, что при сочетании с лабиализованными гласными заднего ряда согласные звуки воспринимают от этих гласных их лабиализованность и сами становятся лабиализованными (лабиовелляризованными, как называли их эти учёные). А в 50-х годах XX века чешский учёный Франтишек Вацлав Мареш (1956) пришёл к выводу, что в протославянском диалекте праиндоевропейского языка лабиализованные гласные заднего ряда делабиализировались, т.е. потеряли свою лабиализованность. Нынешнее открытие фонематического закона дебемользации-делабиализации в протославянском диалекте фактически восходит к этим наблюдениям и умозаключениям и является их развитием.

Суть этого воздействия заключалась в том, что носители языка стали передвигать эти фонемы соответственно их подъёму в средний ряд, лишая их вместе с тем и их лабиализованности. Но так как средний ряд был занят среднерядными фонемами, то перед носителями языка встала дилемма: конвергировать (объединять) первоначальные заднерядные с первоначально среднерядными в пользу среднерядных или нет? Такая конвергенция могла бы быть и не самым трудным делом, но она резко бы затруднила общение. Ведь среднерядные гласные фонемы находились в оппозициях к заднерядным гласным фонемам, и эти оппозиции помогали различать разные слова. Например, разные по лексическому значению слова **kýtō* ‘что’ и **kūtō* ‘кто’ различались именно корневыми гласными: в первом слове гласная была среднерядная, а во втором слове – заднерядная. Если бы заднерядная конвергировала со среднерядной в пользу среднерядной, то эти два слова перестали бы различаться, и собеседники перестали бы понимать друг друга. Носители языка вышли из этого затруднения довольно просто и, говоря современным языком, даже изящно. Они передвинули среднерядные фонемы верхнего и среднего подъёмов на свободные места в передний ряд, в результате чего произошли переходы: $\dot{u} \rightarrow \dot{i}, \ddot{y} \rightarrow \dot{i}, \ddot{e} \rightarrow \dot{e}, \bar{e} \rightarrow \dot{e}$, а заднерядные фонемы тех же подъёмов они передвинули на освободившиеся места в средний ряд. Но при этом если заднерядные гласные верхнего подъёма стали такими же, какими были бывшие среднерядные этого подъёма, т.е. $\bar{u} \rightarrow \dot{u}, \bar{i} \rightarrow \dot{y}$, то заднерядные гласные среднего подъёма стали несколько более низкими по сравнению с бывшими среднерядными этого подъёма, т.е. произошло следующее: $\bar{o} \rightarrow \dot{\alpha}, \bar{o} \rightarrow \bar{\alpha}$. Таким образом, хотя конкретные и среднерядные, и заднерядные гласные фонемы изменились, но все старые оппозиции сохранились: $\dot{i} : \dot{u}, \dot{i} : \dot{y}, \dot{e} : \dot{\alpha}, \dot{e} : \bar{\alpha}$. И, например, хотя **kýtō* изменилось в **k'itā*, а **kūtō* – в **kýtā*, эти слова по-прежнему различались и противопоставлялись друг другу: **k'itā* : **kýtā*, так что на качестве общения эти фонематические изменения никак не отразились.

Так как речевые представители новых фонем $\dot{\alpha}$ и $\bar{\alpha}$ оказались похожими на речевых представителей старых фонем \dot{a} и \bar{a} , то вскоре произошли конвергенции (слияния) новых фонем со старыми в пользу старых: $\langle \dot{\alpha} \rangle$ x $\langle \dot{a} \rangle \rightarrow \langle \dot{a} \rangle$ и $\langle \bar{\alpha} \rangle$ x $\langle \bar{a} \rangle \rightarrow \langle \bar{a} \rangle$. В связи с этим средний и нижний подъёмы конвергировали (слились) в один неверхний подъём и вся подсистема вокализма приняла следующий вид:

Лабиализованность \ Ряд	Нелабиализованные		Лабиализованные
	Передний (диззные)	Средний (простые)	Задний (бемольные)
Верхний	\dot{i} \dot{i}	\dot{u} \dot{y}	
Неверхний	\dot{e} \dot{e}	\dot{a} \bar{a}	

Таким образом, произошла полная дебеомолизация-делабиализация беомольных лабиализованных гласных заднего ряда⁷. И, в частности, конвергенция **ѣ** х **я** дала результат **я**, а не **ѣ** и уж тем более не **о**.

Но как же быть со звуком и с фонемой **о**, с которыми мы встречаемся в современных славянских языках? Каково же происхождение этого **о**? Вполне естественно, что это **о** не может не быть связанным с только что указанным **я**, но это уже совсем другая история и, самое главное, история очень поздняя.

То, что мы рассмотрели, является историей протославянской или, иначе, историей праиндоевропейской позднего периода. А дальше пройдёт почти вся история фонематической системы уже праславянского языка. В этой истории главным является история трёх наиболее крупных (глобальных) процессов, а именно 1) формирования, 2) генерализации и 3) разрушения новых фонематических единиц – **группофонем** (см.: Журавлёв 1961), а вместе с этим выделение трёх наиболее крупных периодов – раннего, среднего и позднего. В каждом из этих периодов будут возникать свои законы (в раннем периоде одного фонетического – внутригруппофонемного сингармонизма; в среднем периоде трёх фонетических – 1) строгой последовательности компонентов внутри сложных группофонем, 2) открытых слогов, 3) внутрислогового сингармонизма; в позднем периоде одного фонематического (!) – передвижки гласных фонем в своей подсистеме), и каждый закон вызовет свою серию процессов. И вот лишь в поздний период развития фонематической системы праславянского языка, когда разрушатся группофонемы, когда после действия закона открытых слогов среди одиноких гласных фонем появятся долгие монофтонги дифтонгического происхождения **без кратких оппозитивов** и когда из-за этого возникнет не фонетический, а фонематический закон передвижки гласных фонем в своей подсистеме, в этой подсистеме появятся предпосылки для утраты признака долготы-краткости как признака фонематического. Одним из процессов, который реализовал эту предпосылку, явилась передвижка гласной фонемы **⟨я⟩** в задний ряд, т.е. в **⟨ѣ⟩** (для поддержки одинокой **⟨и⟩** дифтонгического происхождения), а вместе с этим и утрата **всеми** гласными долготы и краткости как признака, который потерял фонематическую значимость. Вот и получился переход **⟨я⟩** в **конечном итоге** не в **⟨ѣ⟩**, а в **⟨о⟩**. Этим **в конце позднего периода праславянского языка** и объясняется появление фонемы **⟨о⟩**.

⁷ Эти процессы были облегчены и ещё и тем, что в подсистеме гласных фонем лабиализованные гласные заднего ряда противостояли нелабиализованным гласным среднего ряда не по одному, а по двум признакам: по лабиализованности и по ряду, и, таким образом, один из этих признаков был, по сути, излишним. Тот же факт, что ушёл признак лабиализованности, а не признак ряда, был вызван как раз действием указанного закона.

Так как данная статья посвящена не праславянскому языку, а прото-славянскому диалекту праиндоевропейского языка, то на этих сверхкратких сведениях о появлении фонемы «о» мы и остановимся. Более полные сведения, даже с деталями, отражены в моей статье, опубликованной в журнале «Slavia» (Бурмистрович 2007).

Литература:

- БРОК, О. *Очерк физиологии славянской рѣчи*. СПб.: Имп. Акад. Наукъ, 1910. – (Энциклопедія славянской филології; подъ ред. И. В. Ягича; Вып. 5.2).
- БУРМИСТРОВИЧ, Ю. Я. *Законы фонетические и законы фонематические: суть тех и других* // *Slavia: časopis pro slovanskou filologii*. Praha 2007. Ročník 76, sešit 2. – s. 129-141.
- БУРМИСТРОВИЧ, Ю. Я. *История фонематической системы прото-славянского диалекта праиндоевропейского языка*. Абакан: Хакасский ГУ им. Н. Ф. Катанова, 2009.
- ЖУРАВЛЁВ, В. К. *Формирование группового сингармонизма в праславянском языке* // *Вопросы языкознания*. Москва 1961, № 4. – с. 33-45.
- ЖУРАВЛЁВ, В. К. *Реконструкция праславянской системы шумных согласных древнейшего синхронного состояния* // *Известия на Института за български език*. София: Българска АН, 1967. Книга XIV. – с. 23-42.
- ЖУРАВЛЁВ, В. К., ШАХМАЙКИН, А. М. *Балто-славянская вариативность индоевропейского s и сатемовая палатализация гуттуральных* // *Baltistica*. Vilnius 1987. № XXII (2). – с. 156-169.
- МАСЛОВА, В. А. *Истоки праславянской фонологии*. М.: Прогресс-Традиция 2004.
- ФАСМЕР, М. *Этимологический словарь русского языка*. Том 3. М.: Прогресс 1971.
- ШАХМАТОВ, А. А. *Очерк древнѣйшаго периода истории русского языка*. – Петроградъ: Имп. Акад. Наукъ, 1915. – (Энциклопедія славянской филології; подъ ред. И. В. Ягича; Выпуск 11.1).
- MAREŠ, F. V. *Vznik slovanského fonologického systému a jeho vývoji do konce období slovanské jazykové jednoty* // *Slavia: časopis pro slovanskou filologii*. Praha 1956. Ročník XXV, sešit 4. – s. 443-495.